

В марте Пьеру Булезу исполнилось 75. Навстречу юбилею маэстро в конце января отправился с Лондонским симфоническим оркестром в большое турне под названием "Булез-2000". Музыканты дадут 33 концерта в 10 городах, включая Лондон, Париж, Вену, Брюссель, Нью-Йорк. Завершится турне в августе на Эдинбургском фестивале.

Тогда же, в январе, в газете "Файнэншл таймс" появилась совсем не юбилейная статья Эндрю Кларка. Предлагаем читателям ее перевод.

Эндрю Кларк

НЕЛЕПАЯ ИКОНА НОВОЙ МУЗЫКИ

Жрец авангарда повернулся спиной к будущему.

Празднование 75-летия Пьера Булеза с участием Лондонского симфонического носит оттенок иронии. Во-первых, чествуют скорее Булеза-дирижера, чем Булеза-композитора (свидетельство того, что его карьера на подиуме давно затмила сочинительские достижения). Во-вторых, параллельно проходит серия концертов музыки Берлиоза под лозунгом "Да здравствует различие". Ирония состоит в том, что общего между Булезом и Берлиозом больше, чем различий. Оба вошли в историю как люди резкие и откровенные, выступавшие против тенденций своего времени. В своей творческой жизни они испытали постепенный упадок после начального революционного всплеска.

Булез не прочь поговорить о Берлиозе и даже дирижирует его музыкой. Однако ему, кажется, более по душе цитаты из другого великого французского индивидуалиста — Пруста. С пугающей регулярностью он повторяет: "Будущее — это наша проекция настоящего". Пугающей потому, что если вы спроецируете в будущее то, что Булез делает ныне, — эта почтенная культовая фигура превратится в исторический курьез.

Чтобы войти в историю в качестве композитора, необходимо оставить после себя соответствующее творческое наследие. Это удалось Берлиозу, Равелю, Дебюсси и Форе, композиторам, чья музыка составила основу образования Булеза. То же касается и Мессиана, педагога, оказавшего на него самое большое влияние, и Берио, его самого удачливого современника. В каждом случае творческое наследие составляют симфонические, хоровые, оперные, инструментальные и камерные произведения — иными словами, музыка широкого спектра, которую могут исполнять самые разные ансамбли.

История безжалостна к композиторам, чье востребованное наследие сводится к паре сочинений. Подумайте о Брухе и Масканы. Никто не ставит под сомнение сверхискусственность музыки Булеза, однако в его случае творческое наследие просто слишком невелико. Очень мало произведений, которые можно было бы включить в репертуар. "Ритуалы"? Да, это хорошее сочинение, практичное, на его исполнение требуется нормальный отрезок времени. "Нотации"? Ранние фортепианные пьесы Булез превратил в ряд коротких, ярких оркестровых вещей, хорошо воспринимаемых публикой. Но все же это скорее "конфетка", чем шедевр.

Что сказать о "Свадебном лике"? Когда год назад симфонический оркестр Би-Би-Си попытался сыграть последнее произведение, стало ясно, сколь невероятно сложна эта музыка для обычного ансамбля. Даже Лондонский симфонический во время турне "Булез-2000" огра-

ничивается всего лишь фрагментом в аранжировке, "облегченной" от электронных инструментов. Трудно себе представить музыкантов, способных в ближайшие 50 лет с легкостью исполнить эти вещи, если только речь не идет о специально подготовленном ансамбле. Они были написаны в эпоху, когда государственная поддержка современной музыки была неограниченной, особенно в Германии и в Париже (Институт исследования и координации музыкально-акустических проблем — IRCAM), в двух местах, в которых в основном и создавалась музыка Булеза. Сейчас же маятник качнулся в другую сторону. Сегодня оркестры немецкого радио склонны "открывать" Бетховена, а не Булеза.

Иначе, как иронией судьбы, нельзя назвать и то, что Булез (в отличие от Стравинского, в последний период своей жизни смотревшего вперед) все большее время уделяет ретроспекции. Очень значительная часть его произведений последних 20 лет состоит из переработанных, переписанных вариантов созданного прежде. Нового очень мало. Просто новые редакции лучше звучат и легче ложатся на слух.

Поражает то, как он использует возможность проецировать свое видение будущего на гастролях с Лондонским симфоническим оркестром. Он бросает взгляд назад на сто лет, демонстрируя бесспорные достоинства дирижера. В этом отчасти отражается противоречивая натура Булеза. Он типичный стареющий идеолог, идущий на компромиссы из желания иметь успех и влияние.

Булез постоянно менял свои позиции. "Взорвать оперные театры"? Забудьте. Он счастлив дирижировать оперой, как любой другой маэстро. "Мы живем в мире, в котором можно будет не играть современную музыку, так как все научатся читать ее". Булез не любит, когда ему напоминают об этом нелепом заявлении.

Он всегда был великим полемистом. И все еще любит позировать и провоцировать. Все это хороший "пиар". Будучи очаровательным французом и кудесником слова в не меньшей степени, чем музыки, Булез умело обходит все подводные камни, никогда не отступает и не признает, что радикализм его молодости мог быть и пережестом. В конце концов, молодым свойственно бунтовать против старших, а стареющим радикалам должно быть позволено менять точку зрения. Проблема Булеза, однако, в том, что композиторам, умеющим хорошо говорить, зачастую труднее сочинять. Слова — более легкий способ самовыражения. Как и дирижирование.

Но даже Булез не станет отрицать, что с годами стал мягче. В 50-е и 60-е годы он был очень агрессивным, нетерпимым, негибким. Каждый композитор, не способный понять неизбежность сериализма, объявлялся неадек-

ватным. Подобная идеологическая инвектива порождала реакцию, сохраняющуюся и поныне. Но затем Булез начал дирижировать. Он отправился в Нью-Йорк. И вдруг принялся улыбаться и целовать ручки ухоженным американским старым дамам. Он стал совершенно другим человеком, решил играть в эту игру и последние 30 лет делает это лучше многих. Ради сохранения интеллектуального самоуважения он все еще любит строить из себя жреца авангарда, однако теперь его легче разгадать. Сегодня он имеет карт-бланш в Зальцбурге и Чикаго, никогда не отличавшимися особым радикализмом. "Дойче граммофон" потворствует его пристратиям, записывая его интерпретации Берлиоза и Рихарда Штрауса, что едва ли уместно для человека, пытающегося выступать от имени музыкального будущего.

Таким образом налицо огромное расхождение между тем, что Булез проповедует, и тем, что он практикует. Отчасти именно это внушает к нему любовь. Булез — один из немногих в музыкальной индустрии, о ком не услышишь сомнительных пересудов. В молодые годы он, кажется, любил певичу-сопрано, однако в последующие десятилетия его частная жизнь была жизнью аскета. Булез — человек, для которого интеллект всегда был важнее плоти. Ему никогда не нужно было иного удовлетворения. Он живет просто, путешествует повсюду со слугой и иногда удаляется на покой в свой дом в Баден-Бадене.

Он все еще может быть резким и властным. Питомцы Дармштадтского летней школы, где Булез царил в былые времена, любят вспоминать, как он минут 30 производил в высшей степени интеллектуальный разбор каго-либо произведения, а потом спрашивал: "Вы поняли?" Когда кто-нибудь отваживался ответить "нет", он смеялся и объяснял все за две минуты. Таково было веяние времени: почему нечто должно быть простым, если оно может быть сложным? Сложное манило, и Булез помогал создавать это движение, оказавшееся столь привлекательным для музыки XX века.

Однако композиторы больше не боятся его так, как 40 лет назад. Он оказался не в силах воспрепятствовать появлению молодого поколения, делающего все не так, как он предписывал. Только во Франции он оказал опасное влияние на творческий потенциал. Там существует очень немного самостоятельно мыслящих композиторов — большинство являются сподвижниками Булеза. Никто из них не смог развиться, все стали имитаторами. Сегодня новые идеи в музыке рождаются в других местах.

А что же стало с его Институтом в Париже, с этой бездонной бочкой для госсубсидий? Поколение назад казалось, что именно тут начнется музыка будущего. Поезжайте и послушайте записи, которые делаются здесь сегодня — они в сущности взаимозаменяемы, все звучат одинаково. За пределами Парижа никто уже не строит иллюзий относительно IRCAM. Он изжил себя.

Возможно, эту цену стоило заплатить за тот вклад, который Булез внес как мыслитель, интерпретатор, педагог. Он действительно сыграл важную роль в музыке XX века. Но мы-то уже более не там! Так и не став знаменосцем будущего музыки, Булез уже является частью ее прошлого.

Перевел с английского
В. НЕСТЬЕВ.